

Глава 7

Когда Цэнь Сяо впервые увидел того кота породы сине-золотая шиншилла, он сразу подумал о Ли Жуне.

Кот, кажется, и сам осознавал свою ценность и редкую красоту. Он вечно взирал на мир свысока, с видом благородного существа, к которому нельзя даже прикоснуться. Больше всего он любил расхаживать, едва заметно вытянув шею, и окидывать всё вокруг своими миндалевидными глазами. Решив, что в округе нет ничего, достойного его внимания, он лениво поводил хвостом и устремлял взгляд в окно, погружаясь в размышления о смысле жизни.

Но стоило ему завидеть любимую игрушечную мышку или учуять запах первосортного корма, как он тут же забывал о достоинстве. Кот мягко касался кожи человека лапкой и тёрся о неё, заглядывая в глаза преданным, влажным взглядом. Он склонял голову набок, нарочито изображая милую кроху.

Эта бестия прекрасно знала свои сильные стороны: в хорошем настроении она вила из людей верёвки, а в плохом — могла без зазрения совести перевернуть в доме все шкафы.

Сейчас Цэнь Сяо больше всего на свете хотелось схватить этого кота за лапы, запереть в клетке и устроить ему настоящий допрос с пристрастием.

— Значит, я не очень хорош в деле?

На его губах играла улыбка, но взгляд становился всё более тяжёлым и глубоким.

Ли Жун повернул голову и встретился с ним глазами. В его зрачках на миг промелькнуло лукавство, но он тут же вернул себе маску холодного самообладания.

— Я же сказал, это всего лишь гадание, — невозмутимо отозвался он. — Не веришь — дело твоё.

Цэнь Сяо помолчал мгновение, а затем подал знак Цзянь Фу:

— Выведи всех из класса. Мне нужно кое о чём переговорить со старостой.

Цзянь Фу от удивления лишился дара речи:

— Брат, скоро же урок начнётся. Учительница китайского вот-вот придёт.

Юноша знал, что у Цэнь Сяо есть все основания вести себя дерзко, но в школе тот никогда не пользовался своими привилегиями сверх меры. Напротив, иногда он бывал на удивление покладистым: мог по собственной инициативе стереть с доски, не злился, когда его случайно задевали во время игр. По сравнению с прежним Ли Жуном, Цэнь Сяо казался чуть ли не душой компании.

Однако за этим дружелюбием всегда чувствовалась дистанция. Если человек слишком безразличен к одним вещам, значит, он чересчур заиклен на других. Немногие видели Цэнь Сяо в истинном гневе, но по какой-то причине его побаивались все. И только Цзянь Фу позволял себе безнаказанно шутить в его присутствии.

Лицо Цэнь Сяо оставалось спокойным:

— Иди.

Цзянь Фу нахмурился, чувствуя, что это не лучшая идея, но раз Цэнь Сяо настаивал, ему пришлось подчиниться. Он выскочил к доске и постучал указкой по краю.

— Эй-эй, народ, просьба всем выйти проветриться. Нашему брату Сяо нужно обсудить со старостой пару вопросов.

В классе воцарилась тишина. Цзянь Фу лучезарно улыбнулся:

— Я неясно выразился? Живее, живее. Днём я угощаю всех кофе.

Для большинства учеников этого класса чашка кофе не была чем-то значимым, но ссориться с Цэнь Сяо не хотелось никому. Один за другим они начали подниматься и выходить.

Лишь несколько человек из семей, связанных с «Хунсо», не удержались от ворчания.

— Цэнь Сяо совсем страх потерял. Учитель сейчас придёт, а он всех выгоняет. Хочет, чтобы и она под дверью ждала?

— Ха, он же наследник Объединённой палаты. «Ланьшу» спонсирует нашу школу, так что учительница подождёт, не переломится.

— Наш профессор Ли из «Хунсо» уже не у дел, так что пусть этот председатель Цэнь не слишком задаётся.

— Ли Жун явно нарвался. Огребёт сейчас по полной... Всё-таки он наш, из «Хунсо», может, помочь стоит?

— Помочь? С чего вдруг? Ли Жун нам больше никто.

Цуй Минъян, видя, что Цэнь Сяо собирается проучить Ли Жуна, ничуть не расстроился из-за того, что его выставили за дверь. Напротив, в нём вспыхнуло приятное чувство солидарности: враг моего врага — мой друг.

— Так ему и надо! — злорадно прошептал он. — Пусть те, кто из «Ланьшу», его проучат, а мы поглядим со стороны.

Сам Ли Жун привык смотреть на своих одноклассников с высоты опыта двадцатитрёхлетнего мужчины. Своё перерождение он воспринимал как некое случайное путешествие и старался сохранять спокойствие, но вбитые в подкорку правила поведения в обществе то и дело давали о себе знать. Поступки Цэнь Сяо казались ему вопиющим ребячеством.

Ли Жун резко схватил собеседника за запястье и, нахмурившись, негромко произнёс:

— Перестань, сейчас начнётся урок.

В прошлой жизни он думал, что Цэнь Сяо сошёл с ума из-за каких-то событий после школы. Теперь же он понимал: безумие этого человека было величиной постоянной. Просто раньше Ли Жун его не провоцировал — или сам Цэнь Сяо ещё не был готов его задирать.

Цэнь Сяо опустил взгляд на свою руку, в которую вцепились холодные пальцы Ли Жуна, и беспечно усмехнулся:

— Китайский подождёт. У нас тут свой урок воспитания не закончен.

Ли Жун на мгновение замер. Перед ним снова был тот самый Цэнь Сяо из его прошлой жизни. Пускай этот парень был на шесть лет моложе, пускай ему должно было не хватать опыта и коварства... он всё равно оставался невероятно сложным противником.

Ли Жун отпустил его руку и, прикусив бледную губу, заговорил заметно мягче:

— Цэнь Сяо...

Когда он произносил это имя, его губы едва заметно подрагивали, приоткрывая ровные белые зубы и влажный кончик языка.

— Что такое? Я всего лишь помогаю старосте оставить суеверия и поверить в науку, — с притворной усмешкой отозвался Цэнь Сяо.

Он протянул руку к подбородку Ли Жуна. В тот миг, когда его пальцы коснулись мягкой кожи, он почувствовал, как тот на мгновение впал в оцепенение. Но Ли Жун не отстранился. словно тот самый кот с высоко поднятой головой, он смотрел на него ясным, прямым взглядом, в котором читалось врождённое благородство.

Рука Цэнь Сяо скользнула ниже, ладонь легла на тонкую шею. Он чувствовал, как под кожей мерно и сильно бьётся пульс — живой и спокойный. Сейчас Ли Жун выглядел особенно хрупким: исхудавший, бледный, с мягкими прядями волос, прикрывающими мочки ушей. Казалось, его судьбу можно было сломать одним движением руки.

Дыхание Цэнь Сяо стало тяжелее. Даже его собственная мать считала, что он способен причинить боль кошке. Никто не верил, что он просто хочет прикоснуться к чему-то по-настоящему прекрасному. Он лишь на мгновение усилил хватку, а затем невольно ослабил давление.

Ли Жун внезапно улыбнулся. Его глаза сощурились, придавая лицу обезоруживающее выражение. В такие моменты телесного контакта любое мимолётное движение выдаёт истинные намерения.

Цэнь Сяо просто блефовал.

Ли Жун взялся за замок своей школьной куртки и одним резким движением рванул его вниз. Лишённая застёжки ткань тут же разошлась, открывая взгляду тонкую белую футболку, которая из-за тесноты плотно облегалась тело. Теперь она мерно вздымалась в такт его дыханию, а ворот слегка сдвинулся, обнажая очертания ключиц.

— Мне-то всё равно, — негромко произнёс Ли Жун. — Семья Ли и так опозорена на всю страну. Никто не удивится, если я окончательно слечу с катушек. Но если сыну председателя Цэня тоже наплевать на репутацию, то давай сдвинем столы — получится подобие кровати. Проведём научный эксперимент, чтобы разрешить наш спор. Мы, исследователи, привыкли доверять только результатам, полученным лично.

До этого он на мгновение растерялся, позволив Цэнь Сяо себя запугать, но теперь преимущество явно было на его стороне. Тот, кому есть что терять, боится действовать; тот, кому терять нечего, может позволить себе всё. В конце концов, Ли Жуну было не привыкать делить постель с этим человеком.

Цэнь Сяо прищурился, разглядывая его. Ли Жун действительно вёл себя вызывающе, всем видом говоря: «Мне плевать, я готов хоть сейчас». На этот раз пасовать пришлось Цэнь Сяо.

— У нас ещё будет возможность, — бросил он, бесцеремонно окинув взглядом ключицы Ли Жуна, и медленно убрал руку. На шее старосты не осталось ни следа.

Ли Жун всё понял. Ещё в тот момент, когда Цэнь Сяо ослабил хватку, стало ясно — он не

собирается причинять ему вред.

В классе были распахнуты окна. Ранняя осень приносила с собой резкие порывы прохладного ветра, от которых воротник Ли Жун начал подрагивать. Любому другому эта прохлада показалась бы освежающей, но его ослабленное тело не справлялось.

— Кхе-кхе-кхе! — Ли Жун вздрогнул от холода и, судорожно запахнув куртку, прикрыл рот рукой, содрогаясь в кашле.

Тепло мгновенно выветрилось, и согреться снова было непросто. Сгорбившись, словно побитое морозом растение, он бросил на Цэнь Сяо колючий, обиженный взгляд.

— Ты сам расстегнул куртку, — холодно констатировал Цэнь Сяо.

В своей прошлой жизни Ли Жун активно участвовал в студенческих кружках и даже был капитаном клуба дебатов. Он представлял Университет А и не раз признавался лучшим оратором Азиатско-Тихоокеанского региона. Скромно говоря, в искусстве словесных баталий и умении жонглировать аргументами он не знал равных.

Ли Жун кашлял так сильно, что лицо его покраснело, а глаза увлажнились. Несмотря на жалкий вид, тон его оставался самоуверенным:

— Ты первый начал говорить гадости. Если бы не твои слова, я бы не стал подыгрывать.

Цэнь Сяо сжал челюсти, с трудом подавляя желание действительно сделать что-нибудь, что сбило бы с этого парня спесь.

— Ты гадал этому своему фанату и попутно возводил на меня напраслину.

Ли Жун парировал:

— Это твой не в меру болтливый дружок Цзянь Фу, с которым вы с пелёнок вместе, настоял на вопросе.

— И ты хочешь сказать, что не добавил ничего от себя? — наседал Цэнь Сяо.

Ли Жун, прижав руку к груди на манер театрального героя, продолжил спор:

— А что означали твои намёки Сун Юаньюань? Неужели она тебе правда нравится? Не смей меня.

Цэнь Сяо усмехнулся:

— Староста переживает за свою девушку? Жаль только, что она спит и видит, как бы поскорее от тебя откреститься.

— Даже если она хочет со мной порвать, тебя-то это как касается?

В прошлой жизни он действительно дорожил Юаньюань, и когда она начала бегать за Цэнь Сяо, ему было больно. Ни один мужчина не примет то, что у него уводят девушку, хотя ситуация, когда уводят тебя самого, ещё больше рушит картину мира. В любом случае, Цэнь Сяо был настоящим цепным псом.

— Если она с тобой порвёт, то что бы я ни делал — тебя это волновать не должно. С чего ты злишься? — бросил Цэнь Сяо.

Ли Жун вспомнил, как в прошлой жизни Цэнь Сяо и Юаньюань кружились в танце на приёме, обнимая друг друга за талию.

— Мерзавец, — вырвалось у него.

Цэнь Сяо решил, что речь снова идёт о недавней стычке с курткой, и не стал продолжать бессмысленный спор:

— Наглец.

Одарив друг друга этими эпитетами, они замолчали. В глубине души обоих кольнуло чувство неловкости.

«Как по-детски... Неужели я правда это сказал?»

— подумал Ли Жун.

«Какое ребячество. Позор на всю жизнь»

— решил про себя Цэнь Сяо.

Учительница китайского застряла в пробке и немного опаздывала. Когда она, запыхавшаяся и взволнованная, наконец добежала до экспериментального класса, то обнаружила почти всех учеников в коридоре.

Чувствуя вину пополам с недоумением, она оглядела их хмурые лица:

— Я задержалась всего на десять минут. Зачем же ждать меня под дверью?

Линь Цинь с тревогой в голосе выступил вперёд:

— Учитель, там внутри Цэнь Сяо и староста. Кажется, у них конфликт.

Услышав имена этих двоих, учительница похолодела. Ли Жун сейчас был самой неоднозначной фигурой в школе; официально об этом не говорили, так как следственная группа еще не вынесла окончательный вердикт по делу его родителей.

— Что за безобразие! Быстро все в класс, начинаем урок!

Она первой толкнула дверь и вошла. На её уроке столкновение между Ли Жуном и Цэнь Сяо было недопустимо.

Когда класс заполнился людьми, спор уже затих. Цэнь Сяо с бесстрастным видом листал что-то в телефоне, а Ли Жун, закутавшись в куртку, выглядел совершенно измученным после приступа кашля.

Линь Цинь с беспокойством посмотрел на него: бутылка сладкого молока, которую он принёс, так и стояла нераспечатанной и, скорее всего, совсем остыла.

Цзянь Фу пребывал в полной растерянности. Хотя Ли Жун и выглядел неважно, вряд ли в этом был виноват Цэнь Сяо — последние дни тот постоянно казался болезненным, даже если порой и притворялся.

Больше всех радовался Цуй Минъян. В его глазах всё выглядело так: Цэнь Сяо и Ли Жун поссорились окончательно. К извечной вражде между «Ланьшу» и «Хунсо» добавилась личная неприязнь. Теперь Цэнь Сяо не станет защищать Ли Жуна и, возможно, даже поможет его добить.

Он решил на время забыть о трениях с «Ланьшу» и сосредоточиться на том, чтобы выжить ненавистного старосту из класса. Он верил, что этот день близок: с того момента, как Ли Цинли и Гу Нун покончили с собой, они потеряли всякую ценность и были обречены на забвение верхушкой «Хунсо». И теперь, виновны они были на самом деле или нет, клеймо растратчиков и преступников, пренебрёгших жизнями людей, приклеится к ним намертво. А Ли Жуну, как их сыну, не будет места ни в Школе А, ни в Университете А.

— Холодно, — пробормотал Ли Жун, бросив взгляд на открытое окно.

Он не собирался заставлять весь класс задыхаться от жары ради него одного — эти слова предназначались лишь одному человеку. Цэнь Сяо, не поднимая головы, продолжал изучать экран телефона. Ли Жун вздохнул и, приподняв веки, посмотрел на его профиль:

— Ужасно холодно.

Учительница тем временем с воодушевлением анализировала основную мысль текста. Цэнь Сяо по-прежнему никак не реагировал. Ли Жун опустил взгляд на бутылку молока, стоявшую на углу стола, и принялся вертеть её в руках, бормоча под нос:

— И молоко, которое мне подарили, совсем остыло...

Пальцы Цэнь Сяо на мгновение замерли. Спустя десять минут он закрыл глаза и с недовольным видом поднялся со своего места. Направляясь к выходу, он сухо бросил учительнице:

— Мне нужно выйти по делу.

Он даже не стал уточнять, по какому именно. Стоило учительнице замешкаться, как Цуй Минъян тоже вскинул руку:

— Учитель, мне в туалет!

И он бросился вслед за Цэнь Сяо. Тот уже собирался спуститься по лестнице, когда Цуй Минъян догнал его.

— Цэнь Сяо, стой, мне нужно с тобой поговорить.

Цэнь Сяо слегка нахмурился. Его взгляд остановился на губе Цуй Минъяна, где ещё не спал отёк.

«Ли Жуну нужно поработать над техникой боя, удары слишком слабые»

— промелькнуло в его голове.

— Я знаю, что ваша Торговая палата и предприятия «Хунсо» всегда враждовали, — начал Цуй Минъян. — И в классе мы держимся порознь. Но это же скучно. Мы всего лишь ученики, нам незачем влезать в интриги взрослых. Даже учителя говорят, что не надо разбиваться на группы, нужно помогать друг другу.

Цэнь Сяо не дослушал, его взгляд стал ледяным:

— Ты пришёл нести эту чушь?

Цуй Минъян примирительно выставил ладони:

— Я к тому, что старые обиды можно оставить в покое. Ты ведь тоже терпеть не можешь Ли Жуна, как и я. Мы можем вышвырнуть его из школы, чтобы он даже документы в университет подать не смог. Поверь, в «Хунсо» никто за него не заступится. В этом деле мы можем стать союзниками.

Он так и лучился уверенностью. Ему казалось, что предложение более чем разумное, тем более что Цэнь Сяо только что повздорил с Ли Жуном.

Взгляд Цэнь Сяо стал острым как бритва. Цуй Минъян внезапно ощутил такое тяжёлое давление, что невольно сглотнул.

— Кто тебе сказал, что я ненавижу Ли Жуна?

Цуй Минъян опешил:

— Но ты же... только что в классе?

Цэнь Сяо равнодушно опустил глаза и принялся потирать мозоль на руке:

— Твои родители тогда знатно подсуетились, чтобы замять историю с тем, что статью за тебя писал другой, верно? Ты хоть представляешь, сколько компромата на верхушку Исследовательского института «Хунсо» сейчас в руках у Торговой палаты? Если я узнаю, что ты продолжаешь строить свои мелкие козни, я сделаю так, что твои родители вылетят из «Хунсо» с треском.

Цуй Минъян вздрогнул.

— Так ты... ты на стороне Ли Жуна? — пробормотал он в растерянности.

Цэнь Сяо счёл, что объяснил всё более чем доходчиво. Не желая тратить время на пустые разговоры, он сунул руки в карманы и быстро спустился по лестнице.

Спустя пять минут Ли Жун, который дремал, уткнувшись лицом в скрещенные на столе руки, почувствовал, как что-то коснулось его локтя. Это была бутылка сладкого молока.

Известный бренд, натуральный состав, двойная порция питательных веществ... и оно было горячим.

Ли Жун приоткрыл заспанные глаза и чуть придвинул руку, прижимая тёплую бутылку к щеке. На его губах заиграла едва заметная улыбка.

<http://bllate.org/book/15351/1413210>